

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Валерий Владиславович СМЕРНОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧувГУ),
Чебоксары, Российская Федерация
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>
SPIN-код: 3120-4077

История статьи:

Рег. № 186/2021
Получена 05.04.2021
Получена в
доработанном виде
26.04.2021
Одобрена 10.05.2021
Доступна онлайн
29.07.2021

УДК 330.3

JEL: D40, H10, H19,
H54, L10

Ключевые слова:

валютные резервы,
государственное
потребление,
инфляционный
потенциал, монетарный
курс, экономический
рост

Аннотация

Предмет. Российский подход к обеспечению экономического роста.

Цели. Выявить основу российского подхода к обеспечению экономического роста.

Методология. Исследование основано на системном подходе с применением методов статистического, нейросетевого и кластерного анализа.

Результаты. Выделена актуальность исследования российского подхода к обеспечению экономического роста. Определена структурная важность экспорта товаров и услуг и изменения запасов, выделены существенные связи вокруг расходов на государственное потребление. Импорт товаров и услуг теряет свою значимость в связи с девальвацией национальной валюты и значительной утратой инфляционного потенциала. Динамика отношений M2, наличных денег в обращении (вне Банка России) к валютным резервам и курсу национальной валюты указывает на оптимальные уровни монетизации российской экономики в пределах связанного роста валютного курса и валютных резервов, в том числе социальных пособий малоимущим семьям. Российский подход к обеспечению экономического роста сводится к девальвации национальной валюты, обусловленной утратой действительного инфляционного потенциала прироста экономики для сохранения объема экспорта товаров и услуг в контексте поддержания расходов на государственное потребление. Рост M2 вынуждает Центральный банк Российской Федерации повышать валютные резервы, что оказывает сдерживающее влияние на рост монетарного курса рубля. Это явление обуславливает падение индекса ОФЗ и замену стратегических ориентиров на тактические.

Выводы. Основа российского подхода к обеспечению экономического роста является отражением пределов развития российской экономики и эффективности деятельности Правительства Российской Федерации.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2021

Для цитирования: Смирнов В.В. Российский подход к обеспечению экономического роста // Экономический анализ: теория и практика. – 2021. – Т. 20, № 7. – С. 1234 – 1255.
<https://doi.org/10.24891/ea.20.7.1234>

Актуальность исследования российского подхода к обеспечению экономического роста обусловлена, по мнению А.Г. Аганбегяна, вхождением России в апреле 2020 г. в социальный и финансово-экономический кризис структурного типа, связанный с

коронавирусной пандемией и катастрофическим сокращением экспорта нефтегазовой промышленности. В сложившихся условиях возврат к планированию обеспечит выполнение единого финансового плана, инвестиционной программы всей страны, директивных показателей предприятий и организаций, контролируемых государством, а также даст толчок государственно-частному партнерству [1].

Как полагает С.Ю. Глазьев, происходит глубокая перестройка всей системы экономических связей и отношений. Формирование нового интегрального мирохозяйственного уклада предъявляет повышенные требования к качеству идеологического базиса масштабных социально-экономических трансформаций [2, 3].

В свою очередь П.А. Минакир считает, что выход российской экономики из кризиса блокируется, во-первых, началом очередного цикла рецессии в мировой экономике, что формирует новые спросовые и ресурсные внешние шоки; во-вторых, устойчивостью экстрактивного характера российских экономических институтов, ориентированных не на формирование платформы экономического роста, а, напротив, на дезактивацию ресурсов роста [4].

Итак, в современной реальности фиксируются принципиальные изменения и неразрешимые наличными средствами проблемы, требующие применения комплекса парадигматических, синтагматических и прагматических структур и механизмов в организации жизни и деятельности людей. Этот комплекс может быть определен в результате выделения российских элементов, выпадающих из сложившейся мирохозяйственной деятельности. Shigeki Ono [5] подчеркивает роль средств, предоставляемых через финансовое посредничество, как фактора, способствующего экономическому росту (Йозеф Алоиз Шумпетер [6]) и указывает, что экономический рост порождает потребность в дополнительных финансовых услугах (Joan Violet Robinson [7]).

Автор работы [8] определил среднее значение индекса устойчивых инноваций для Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки – способность стран согласовывать приоритеты и производительность в направлении более зрелых инновационных систем для устойчивого развития. В свою очередь Jingfeng Zhao, Jianmin Tang выявили, что с 1995 по 2008 г. китайская экономика была относительно больше сконцентрирована в производственном секторе и относительно меньше в секторе услуг, чем экономика России. Ускорение экономического роста в Китае в 2003–2008 гг. по сравнению с 1996–2002 гг. в основном объяснялось увеличением вклада производственного сектора и, в меньшей степени – сектора услуг. В то время как в России это был сектор услуг, за которым следовал сырьевой сектор, где преобладали горнодобывающая и нефтегазодобывающая промышленность [9]. Оценивая бинарную логистическую модель, авторы работы [10] выделили, что

Россия отличалась от Китая в выборе инструментов политики, в приверженности целям политики и подходам к ее реализации.

Есть мнения, что с усилением «умных» санкций в международной политике российский нефтяной сектор превратился в ключевую мишень [11], что западные санкции против России оказывают значительное влияние на посткоммунистических соседей России [12]. Автор работы [13] выделяет положение «Газпрома» по отношению к его внутренним конкурентам, меняющийся характер рынков природного газа и его влияние на экономическое положение в Европе, политические вызовы экспорту российского газа в Европу и поворот экспорта российского газа в Китай. Как указывает Eric Pardo Sauvageot, энергетическая стратегия Евросоюза признала ограничения сжиженного природного газа, хотя и не изменила своей позиции по отношению к России [14]; Chris Miller выделяет «аннексию» Крыма и обострение конфронтации с Западом как причину поворота России на Восток [15]; Dawei Liu, Hang Xu констатируют, что после более чем двадцатилетнего ожидания первый газопровод «Сила Сибири», соединяющий Россию и Китай, начал транспортировку газа в декабре 2019 г. [16]. Авторы работы [17] выявили, что энергетическая отрасль оказывает значительное влияние на устойчивость экономики – от создания рабочих мест до эффективности использования ресурсов и окружающей среды; Ilhan Ozturk обнаружил, что нехватка энергии и водных ресурсов ухудшают продовольственную безопасность БРИКС (Бразилия, Российская Федерация, Индия, Китай и ЮАР) [18]; Qiang Wang, Rui Jiang показывают, что эффект рабочей силы и инвестиционный эффект способствовали росту выбросов углерода в странах БРИКС [19]; Yanxin Liu с соавторами полагает, что скоординированные отношения между окружающей средой, ресурсами и экономикой необходимы для глобального устойчивого развития [20].

Итак, в современной российской действительности проявляются проблемы сохранения причинно-следственной связи между финансовым развитием и экономическим ростом, обусловленные отсутствием согласованности приоритетов, в рамках сложившейся сырьевой структуры экономики. Энергетическая отрасль оказывает значительное влияние на устойчивость российской экономики – от создания рабочих мест до эффективности использования ресурсов и окружающей среды. Нехватка энергии и водных ресурсов ухудшают продовольственную безопасность и способствуют росту выбросов углерода.

Для анализа российского подхода к обеспечению экономического роста применялись методы статистического, нейросетевого и кластерного анализа, включающие обработку статистических показателей, их систематизацию и представление в форме графиков и таблиц [21, 22]. Обработка статистических данных осуществляется с применением IBM SPSS Statistics [23], а построение таблиц, диаграмм и графиков – IBM SPSS Statistics и MS Excel.

Статистический анализ позволяет отразить изменение условий и выявить факторы, определяющие элементы, компоненты и подсистемы структурных отношений, их место в российском подходе к обеспечению экономического роста. Нейросетевой анализ позволяет выявить закономерности изменения объектов (явлений) посредством построения нейронных сетей. В отношении анализа российского подхода к обеспечению экономического роста выделяются приоритетные виды экономической деятельности в контексте сохранения его динамики. Применение кластерного анализа обусловлено дополнением вероятностного понимания причинности [24] со связанностью изменений оцениваемых действий. Кластерный анализ систематизирует данные, содержащие информацию о выборке объектов, и упорядочивает объекты исследования в сравнительно однородные группы [25]. Это позволяет разработать классификацию исследуемых объектов или явлений, выявить основные схемы их группирования и сформулировать гипотезы [26].

Гипотезы, полученные с помощью статистического, нейросетевого и кластерного анализа позволяют выявить существенные структурные отношения в российском подходе к обеспечению экономического роста.

Информационной основой для определения соизмеримости требований и условий для роста российской экономики являются данные Центрального банка Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики, новости и аналитика рынка валют, фондовых и сырьевых рынков и др.

Анализ темпов прироста ВВП и индекса-дефлятора ВВП (*рис. 1*) выявил волатильное сведение действительного инфляционного потенциала прироста экономики с максимальных значений 9,3% в 2012 г. и 10,3% в 2018 г. к 0,7% в 2020 г.

Нейросетевой анализ важности темпов прироста показателей ВВП и компонентов отдельных показателей (*табл. 1*) указывает на структурную важность показателей «экспорт товаров и услуг номинальный с поправкой на сезонность в национальной валюте» и «изменения запасов номинальных, сезонно скорректированных, в национальной валюте».

В результате кластерного анализа (*табл. 2*) выделены существенные связи (квадрат евклидова расстояния меньше 1 000) показателей:

- «национальные счета, валовой внутренний продукт, номинал, национальная валюта» и «валовой внутренний продукт, объем (2010 = 100)», «расходы на потребление домашних хозяйств, в том числе некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства (НКОДХ), номинальные в национальной валюте»;
- «расходы на государственное потребление, номинальные в национальной валюте» и «расходы на государственное потребление номинальные с поправкой на сезонность в национальной валюте», «валовой внутренний продукт, объем,

сезонно скорректированный», «валовой внутренний продукт, дефлятор (2010 г. = 100)», «валовое накопление основного капитала с поправкой на сезонность в национальной валюте», «расходы на потребление домашних хозяйств, в том числе НКОДХ, номинальные с сезонной корректировкой в национальной валюте»;

- «экспорт товаров и услуг номинальный с поправкой на сезонность, в национальной валюте» и «импорт товаров и услуг номинальный с поправкой на сезонность в национальной валюте».

Динамика российского ВВП определяется структурной важностью экспорта товаров и услуг, которая сохраняется благодаря в большей мере расходам на государственное потребление, в меньшей – расходам на потребление домашних хозяйств, в том числе НКОДХ. Импорт товаров и услуг теряет свою значимость в связи с девальвацией национальной валюты и значительной утратой инфляционного потенциала к 2020 г.

Анализ динамики отношений M2, наличных денег в обращении (вне Банка России) к валютным резервам и курсу национальной валюты (рис. 2) указывают на оптимальные уровни монетизации российской экономики в пределах связанного роста валютного курса (RUB/USD) и валютных резервов, в том числе социальных пособий малоимущим семьям.

Для снижения давления на валютный курс в сложившейся структуре российской экономики осуществляется переход на государственную поддержку малоимущим семьям и малоимущим одиноко проживающим гражданам на основании социального контракта: оказание помощи по поиску работы; оказание помощи по осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности; оказание помощи по ведению личного подсобного хозяйства; осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление трудной жизненной ситуации, предусмотренных законодательством субъекта Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи».

В отличие от прямых выплат американским налогоплательщикам (деньги будут приходить в виде чеков или на специальные дебетовые карточки, выпущенные ранее)¹, в российской действительности связываются наличные деньги в обращении (вне Банка России) с валютными резервами в большей мере для недопущения роста валютного курса (RUB/USD). В то же время значительный рост M2, вызванный вирусным ростом ипотеки², вынуждает Центральный банк Российской Федерации повышать валютные резервы, что оказывает сдерживающее влияние на рост

¹ В США начали перечислять на счета граждан выплаты по «антивирусному» пакету мер. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8222587>; Налогоплательщики США начнут получать прямые выплаты в \$1 400. URL: <https://iz.ru/1136429/2021-03-13/nalogoplatelshchiki-ssha-nachnut-poluchat-priamye-vyplaty-v-1400>

² Ипотека показала вирусный рост. Эксперты «Дом.РФ» и Frank RG зафиксировали рекордный подъем рынка жилищного кредитования. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/11/11/5faa5a909a7947545ebc5835>

монетарного курса рубля при сохранении объема наличных денег в обращении (вне Банка России). Это явление обуславливает падение индекса государственных облигаций России (RGBI) и замену стратегических ориентиров – индекса РТС (RTSI, композитный фондовый индекс в долларах США) и индекса ММВБ (IMOEX, композитный фондовый индекс в рублях), на тактические – IMOEX и индекс доллара (DXY, отношение доллара США к корзине из шести иностранных валют: евро (EUR – 57,6%), японской иеной (JPY – 13,6%), фунтом стерлингов (GBP – 11,9%), канадским долларом (CAD – 9,1%), шведской кроней (SEK – 4,2%) и швейцарским франком (CHF – 3,6%) (рис. 3).

Следовательно, российский подход к обеспечению экономического роста сводится к девальвации национальной валюты, обусловленной утратой действительного инфляционного потенциала прироста экономики с 2012 по 2020 г., в контексте сохранения объема экспорта товаров и услуг для поддержания расходов на государственное потребление.

Существенный рост M2 вынуждает Центральный банк Российской Федерации повышать валютные резервы, что оказывает сдерживающее влияние на рост монетарного курса рубля. Это явление объясняет падение RGBI и замену стратегических ориентиров (RTSI и IMOEX) на тактические (IMOEX и DXY).

В этих условиях финансирование дефицита федерального бюджета, который в прошлом году был сведен с дырой в 4 трлн руб. и продолжает тратить больше, чем собирает, несмотря на рост цен на нефть, все больше ложится на плечи узкого круга крупнейших российских банков, преимущественно государственных. В 2020 г. системно значимые кредитные организации купили 46% облигаций федерального займа, размещенных Минфином России. В общей сложности ведомство планирует занять в 2021 г. 2,7 трлн руб.³

Неудачи продолжают преследовать российские финансовые власти при попытках инвестировать резервы в юань. Китайская валюта подешевела рекордно за полтора года сразу после того, как в нее решил вложиться Минфин России. Всего в юань вложено около 87 млрд долл. США российских золотовалютных резервов (включая ФНБ), и падение курса в марте принесло убыток по этим инвестициям на 1,3 млрд долл. США⁴.

Худший в новейшей истории год для мирового рынка углеводородов обернулся для «Газпрома» первым годовым убытком более чем за 20 лет. Впервые с дефолта 1998 г. компания, обладающая монопольным правом на экспорт трубопроводного газа из РФ, сработала в минус по РСБУ. Чистый убыток головной компании

³ Госбанкам приказали спасти бюджет.

URL: <https://www.finanz.ru/novosti/obligatsii/gosbankam-prikazali-spasat-byudzheth-1030271757>

⁴ Деньги ФНБ сгорели на китайском фореке: Юань упал рекордно за 1,5 года после покупки Минфина.

URL: <https://www.finanz.ru/novosti/valyuty/dengi-fnb-sgoreli-na-kitayskom-forekse-yuan-upal-rekordno-za-1-5-goda-posle-pokupki-minfina-1030272194>

«Газпрома» составил 706,925 млрд руб. против прибыли в 734 млрд руб. годом ранее. Выручка от продажи газа упала на 20,4%, до 2,636 трлн руб.; валовая прибыль – на 25%, до 1,573 трлн руб. Прибыль от продаж рухнула в 57 раз – с 629,11 до 11 млрд руб. Две трети суммы чистого убытка (466 млрд руб.) обеспечило падение акций «Газпром нефти», находящихся на балансе холдинга. В физическом выражении экспорт упал на 10%, а в денежном – на 40% из-за резкого снижения цен в Европе, весной ушедших ниже точки рентабельности «Газпрома» (около 100 долл. США за тысячу м³)⁵.

Третья по объемам добычи и первая по непрозрачности собственников нефтяная компания России «Сургутнефтегаз» завершила 2020 г. с рекордной среди конкурентов прибылью. При этом 80% итоговой суммы компании принесла гигантская «валютная подушка», которую «Сургутнефтегаз» годами копил на банковских счетах. Скачок курса доллара США на 20%, а евро – на 32% принес компании 590 млрд руб. (8 млрд долл. США) прибыли с учетом переоценки «ликвидных активов», размер которых подскочил с 2,977 до 3,567 трлн руб.⁶.

В условиях, когда существенное количество отечественных предприятий проходят предкризисную, кризисную или посткризисную фазы своего жизненного цикла, необходимы действенные подходы к управлению и обеспечению экономической безопасности предприятий нефтяной промышленности [27]. Поддержание эффективности российской нефтегазовой отрасли и создание для нее дополнительных конкурентных преимуществ невозможно без активного внедрения цифровых технологий [28].

Авторы работы [29] выделяют появление мощного регулятора современного экономического развития – «больших вызовов» (критического барьера, который нужно взять) технологического разрыва, снижения риска отставания научно-технического потенциала и падения инновационной активности экономики. В этом контексте интеграция в мировое хозяйство обуславливает объективную необходимость привлечения иностранных инвестиций в национальную экономику, в том числе посредством масштабной приватизации государственного имущества, особенно в банковском секторе [30]. При этом следует учитывать неоднозначную роль курса рубля для экономики России [31].

Российский подход к обеспечению экономического роста не является уникальным методом реструктуризации экономики. Он является формой сведения бухгалтерского баланса на уровне национальной экономики и связан с девальвацией национальной валюты в границах действительного инфляционного потенциала прироста экономики, объема экспорта товаров и услуг, расходов на государственное

⁵ «Газпром» получил годовой убыток впервые с дефолта 1998 года. URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/gazprom-poluchil-godovoy-ubytok-vpervye-s-defolta-1998-goda-1030242220>

⁶ Самая богатая нефтяная компания России заработала \$8 млрд на падении рубля. URL: [https://www.finanz.ru/novosti/valuty/samaya-bogataya-neftyanaya-kompaniya-rossii-zarabotala-\\$8-mlrd-na-padenii-rublya-1030272224](https://www.finanz.ru/novosti/valuty/samaya-bogataya-neftyanaya-kompaniya-rossii-zarabotala-$8-mlrd-na-padenii-rublya-1030272224)

потребление. Это проявляется в вынужденном повышении валютных резервов Центрального банка Российской Федерации при росте М2 для удержания темпов роста монетарного курса рубля и RГВІ на уровне, обеспечивающем рост ІМОЕХ.

Таблица 1

Нейросетевой анализ важности темпов прироста показателей валового внутреннего продукта и компонентов отдельных показателей (2014Q1–2020Q2)

Table 1

Neural network analysis of the importance of the growth rate of Gross Domestic Product indicators and components of individual indicators (2014Q1–2020Q2)

Показатель	Важность, %		
	1	2	3
Национальные счета, валовой внутренний продукт, номинал, национальная валюта	22	2,8	49,8
Расходы на потребление домашних хозяйств, в том числе НКОДХ, номинальные, национальная валюта	54,2	56,4	33,6
Расходы на государственное потребление номинальные, национальная валюта	19,1	56,2	62,9
Валовое накопление основного капитала номинальное, национальная валюта	26,8	32,1	46,1
Изменение запасов номинальное, национальная валюта	58,5	25,2	73,2
Экспорт товаров и услуг номинальный, национальная валюта	16,8	14,3	38,7
Импорт товаров и услуг номинальный, национальная валюта	51,3	60,2	68,7
Статистические расхождения в ВВП, номинальные, национальная валюта	51,3	48,6	14,9
Валовой внутренний продукт, объем (2010 г. = 100)	15	33,3	48,8
Валовой внутренний продукт, дефлятор (2010 г. = 100)	30,7	88,5	29,1
Валовой внутренний продукт номинальный с поправкой на сезонность, национальная валюта	38,9	47	39,6
Расходы на потребление домашних хозяйств, в том числе НКОДХ, номинальные с сезонной корректировкой, национальная валюта	58,1	49,6	53,8
Расходы на государственное потребление номинальные с поправкой на сезонность, национальная валюта	40,1	38,4	49
Валовое накопление основного капитала с поправкой на сезонность, национальная валюта	54,9	63,2	34,7
Изменение запасов номинальных, сезонно скорректированных, национальная валюта	10,5	37,1	100
Экспорт товаров и услуг номинальный с поправкой на сезонность, национальная валюта	100	100	66,2
Импорт товаров и услуг номинальный с поправкой на сезонность, национальная валюта	41,1	22,5	60,3
Валовой внутренний продукт, объем, сезонно скорректированный (2010 г. = 100)	79,5	40,4	49,2
Валовой внутренний продукт, дефлятор, с поправкой на сезонность (2010 г. = 100)	55,2	22,2	57,1
Среднее	43,4	44,1	51,3

Источник: International Financial Statistics (IFS); International Monetary Fund

Source: International Financial Statistics (IFS); International Monetary Fund

Таблица 2

Большие кластеры по темпам прироста показателей валового внутреннего продукта и компонентам отдельных показателей (2014Q1–2020Q2)

Table 2

Large clusters by growth rate of Gross Domestic Product indicators and components of individual indicators (2014Q1–2020Q2)

Кластер I	II	Квадрат евклидова расстояния
Национальные счета, валовой внутренний продукт, номинал, национальная валюта	Валовой внутренний продукт, объем (2010 г. = 100)	188,532
	Расходы на потребление домашних хозяйств, в том числе НКОДХ, номинальные, национальная валюта	722,067
	Импорт товаров и услуг, номинальный, национальная валюта	1 539,032
	Экспорт товаров и услуг, номинальный, национальная валюта	1 881,996
	Расходы на государственное потребление, номинальные, национальная валюта	2 945,082
	Валовое накопление основного капитала номинальное, национальная валюта	46 343,235
	Изменение запасов номинальных, сезонно скорректированных, в национальной валюте	57 370,939
	Изменение запасов номинальной и национальной валюты	1 361 363,763
	Статистические расхождения в ВВП, номинальные, национальная валюта	2 094 408,745
	Расходы на государственное потребление номинальные с поправкой на сезонность, национальная валюта	0
Расходы на государственное потребление, номинальная, национальная валюта	Валовой внутренний продукт, объем, сезонно скорректированный (2010 г. = 100)	193,808
	Валовой внутренний продукт, дефлятор (2010 г. = 100)	223,612
	Валовое накопление основного капитала с поправкой на сезонность, национальная валюта	376,851
	Расходы на потребление домашних хозяйств, в том числе НКОДХ, номинальные с сезонной корректировкой, национальная валюта	438,057
	Экспорт товаров и услуг номинальный с поправкой на сезонность, национальная валюта	1 265,346
Экспорт товаров и услуг, номинальный, с поправкой на сезонность, национальная валюта	Импорт товаров и услуг номинальный с поправкой на сезонность, национальная валюта	896,758

Источник: International Financial Statistics (IFS); International Monetary Fund

Source: International Financial Statistics (IFS); International Monetary Fund

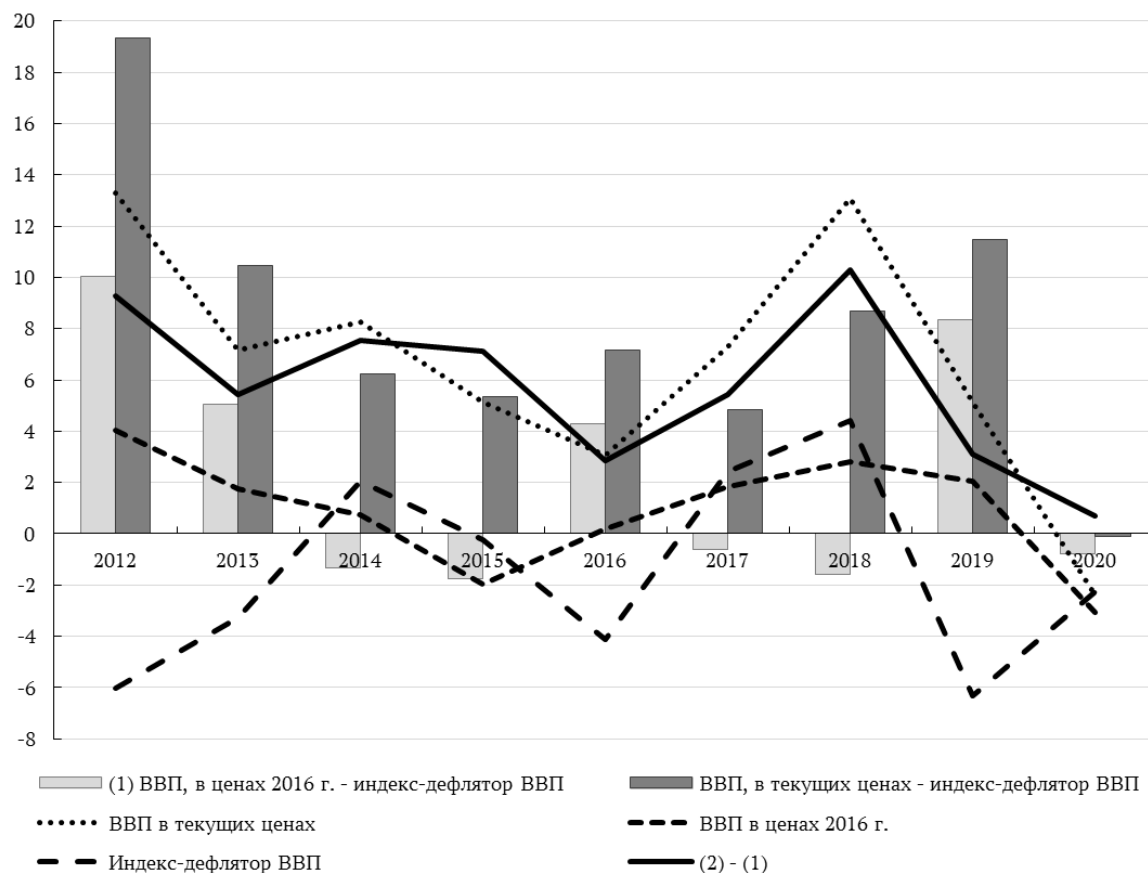
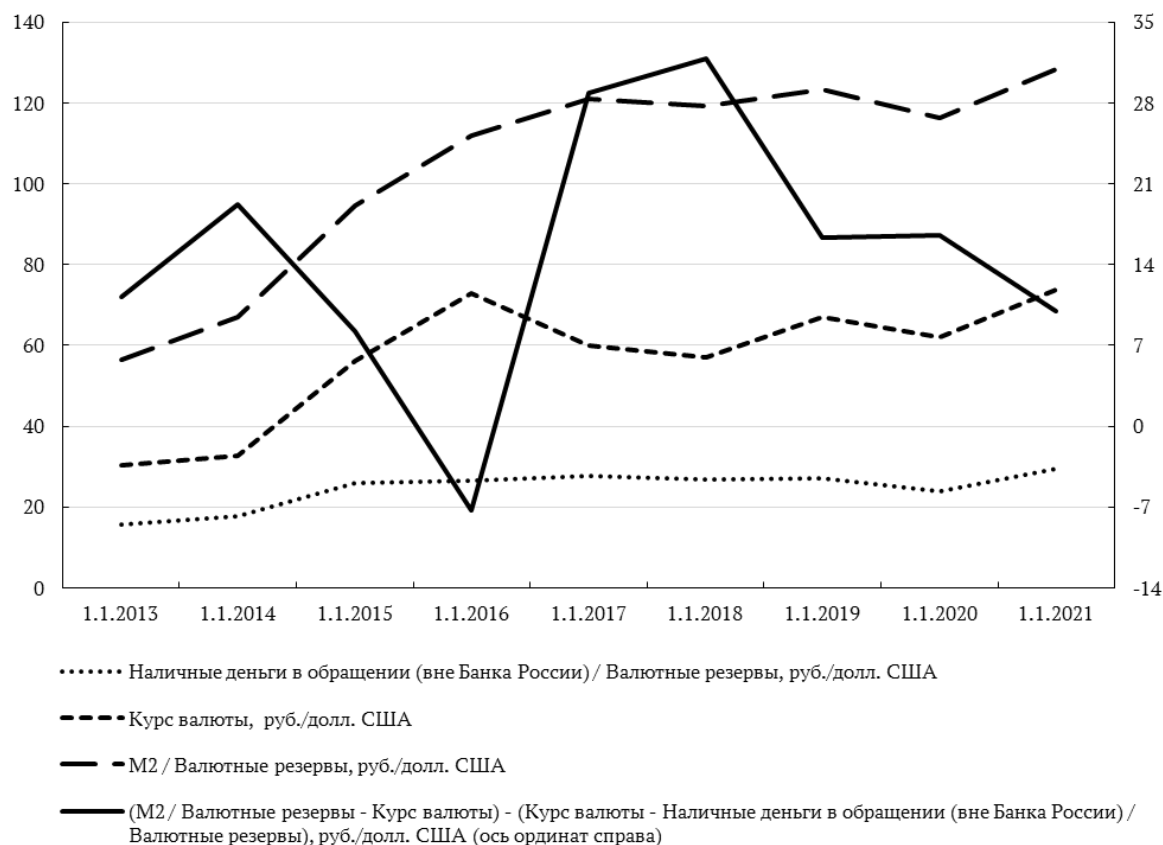
Рисунок 1**Темпы прироста ВВП и индекса-дефлятора ВВП (2012–2020 гг.), %****Figure 1****Growth rates of GDP and the GDP deflator index (2012–2020), percentage***Источник:* авторская разработка по данным Росстата*Source:* Authoring, based on the Rosstat data

Рисунок 2

Динамика отношений M2, наличных денег в обращении (вне Банка России) к валютным резервам и курсу национальной валюты (2013–2021 гг.)

Figure 2

Trends in the ratio of M2, cash in circulation (outside the Bank of Russia) to foreign exchange reserves and the national currency exchange rate (2013–2021)

Источник: авторская разработка по данным Банка России

Source: Authoring, based on the Bank of Russia data

Рисунок 3

Динамика RTSI, IMOEX, RGBI, USDRUB, DXY: *a* – 12 месяцев; *b* – 6 месяцев; *c* – 3 месяца; *d* – 1 месяц

Figure 3

Trends in RTSI, IMOEX, RGBI, USDRUB, DXY: *a* – 12 months; *b* – 6 months; *c* – 3 months; *d* – 1 month

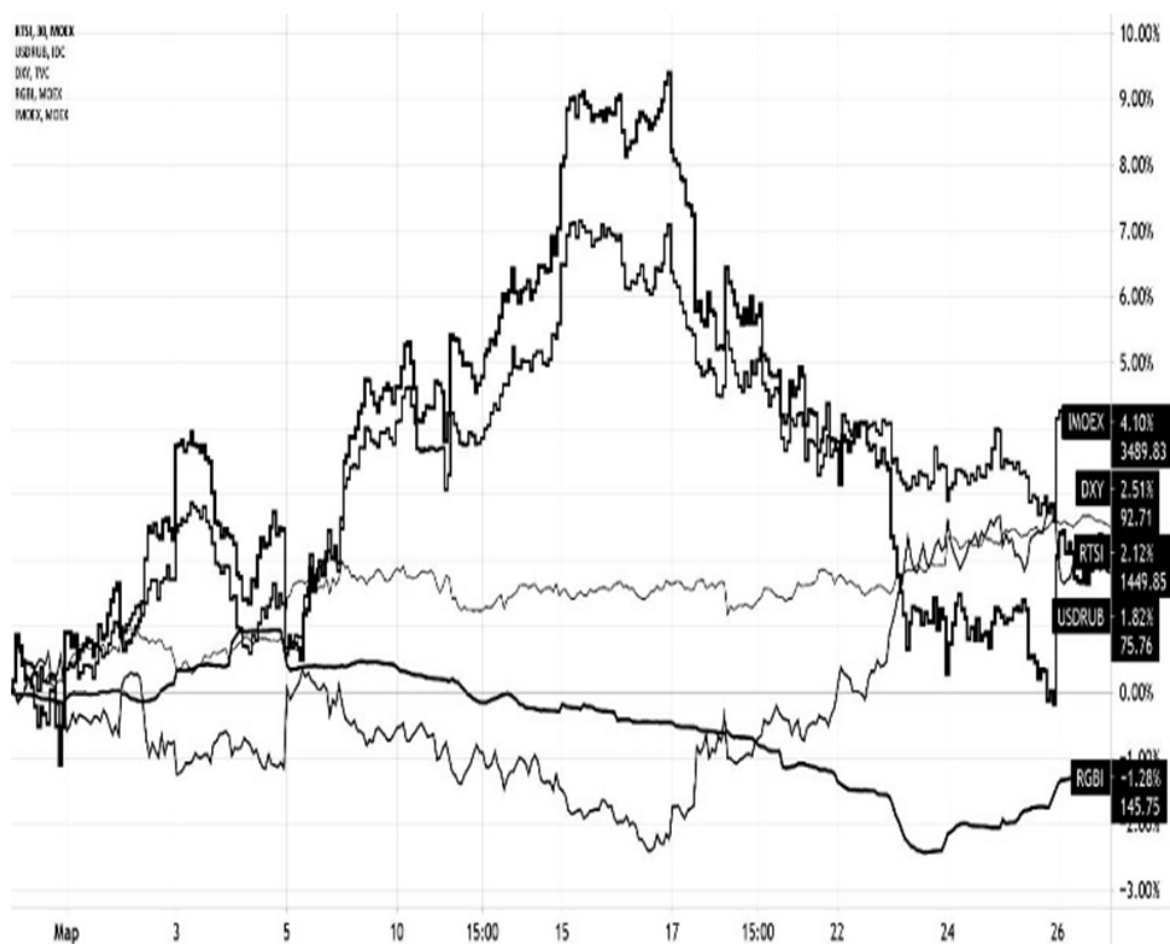
a

b

c

d

Источник: Россия – экономические показатели.

URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/indicators>

Source: Russia – economic indicators.

URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/indicators>

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Как преодолеть стагнацию и новый кризис, обеспечив социально-экономический рост // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 6. С. 6–19.
URL: <http://www.inesnet.ru/article/kak-preodolet-stagnaciyu-i-novyj-krizis-obespechiv-socialno-ekonomicheskij-rost/>
2. Глазьев С.Ю. Проблемы и перспективы российского финансового рынка в условиях структурных изменений мировой экономики // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 3. С. 6–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-rossiyskogo-finansovogo-rynka-v-usloviyah-strukturnyh-izmeneniy-mirovoy-ekonomiki>
3. Глазьев С.Ю. О формировании идеологии перехода к новому мирохозяйственному укладу // Экономические стратегии. 2020. Т. 22. № 7.

- C. 46–61. URL: <http://www.inesnet.ru/article/o-formirovanii-ideologii-perexoda-k-novomu-miroxozyaistvennomu-ukladu-v-rossii-i-eaes/>
4. Минакир П.А. Российская экономика: между кризисами // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 1. С. 7–23.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-ekonomika-mezhdu-krizisami>
5. Shigeki Ono. Financial development and economic growth nexus in Russia. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, iss. 3, pp. 321–332. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.006>
6. Schumpeter J., Backhaus U. The Theory of Economic Development. In: Backhaus J. (eds) Joseph Alois Schumpeter. The European Heritage in Economics and the Social Sciences, vol. 1. Springer, Boston, MA, 2003, pp. 61–116.
URL: https://doi.org/10.1007/0-306-48082-4_3
7. Robinson J. The Generalisation of the General Theory. In: The Generalisation of the General Theory and other Essays. Palgrave Macmillan, London, 1979.
URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-16188-1_1
8. Şiir Kılış. Sustainability-oriented innovation system analyses of Brazil, Russia, India, China, South Africa, Turkey and Singapore. *Journal of Cleaner Production*, 2016, vol. 130, pp. 235–247. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.03.138>
9. Jingfeng Zhao, Jianmin Tang. Industrial structure change and economic growth: A China-Russia comparison. *China Economic Review*, 2018, vol. 47, pp. 219–233.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.08.008>
10. Peijie Wang, Fan Li. Science, technology and innovation policy in Russia and China – Mapping and comparisons in objectives, instruments and implementation. *Technological Forecasting and Social Change*, 2021, vol. 162, no. 120386.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120386>
11. Vatansever A. Put over a barrel? “Smart” sanctions, petroleum and statecraft in Russia. *Energy Research & Social Science*, 2020, vol. 69, no. 101607.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>
12. Bayramov V., Rustamli N., Abbas G. Collateral damage: The Western sanctions on Russia and the evaluation of implications for Russia's post-communist neighbourhood. *International Economics*, 2020, vol. 162, pp. 92–109.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.01.002>
13. Mikulska A. Gazprom and Russian Natural Gas Policy in the First Two Decades of the 21st Century. *Orbis*, 2020, vol. 64, iss. 3, pp. 403–420.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2020.05.004>

14. *Sauvageot E.P.* Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security. *Energy Policy*, 2020, vol. 145, no. 111699. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111699>
15. *Miller C.* Will Russia's Pivot to Asia Last? *Orbis*, 2020, vol. 64, iss. 1, pp. 43–57. URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2019.12.004>
16. *Dawei Liu, Hang Xu.* A rational policy decision or political deal? A multiple streams' examination of the Russia – China natural gas pipeline. *Energy Policy*, 2021, vol. 148, part B, no. 111973. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111973>
17. *Ndlovu V., Inglesi-Lotz R.* The causal relationship between energy and economic growth through research and development (R&D): The case of BRICS and lessons for South Africa. *Energy*, 2020, vol. 199, no. 117428. URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.117428>
18. *Ozturk I.* Sustainability in the food-energy-water nexus: Evidence from BRICS (Brazil, the Russian Federation, India, China, and South Africa) countries. *Energy*, 2015, vol. 93, part 1, pp. 999–1010. URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.09.104>
19. *Qiang Wang, Rui Jiang.* Is carbon emission growth decoupled from economic growth in emerging countries? New insights from labor and investment effects. *Journal of Cleaner Production*, 2020, vol. 248, no. 119188. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119188>
20. *Yanxin Liu, Huajiao Li, Haizhong An et al.* Are the environmental impacts, resource flows and economic benefits proportional? Analysis of key global trade routes based on the steel life cycle. *Ecological Indicators*, 2021, vol. 122, no. 107306. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2020.107306>
21. *King A.P., Eckersley R.J.* Chapter 1: Descriptive Statistics I: Univariate Statistics. *Statistics for Biomedical Engineers and Scientists*, 2019. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102939-8.00010-4>
22. *Brownstein N.C., Adolfsson A., Ackerman M.* Descriptive statistics and visualization of data from the R datasets package with implications for clusterability. *Data in Brief*, 2019, vol. 25, no. 104004. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104004>
23. *Fávero L.P., Belfiore P.* Chapter 3: Univariate Descriptive Statistics. *Data Science for Business and Decision Making*, 2019, pp. 21–91. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00003-3>
24. *Urlacher B.R.* Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling. *American Behavioral Scientist (ABS)*, 2020, vol. 64, iss. 1, pp. 55–73. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>

25. *Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C.* To cluster, or not to cluster: An analysis of clusterability methods. *Pattern Recognition*, 2019, vol. 88, pp. 13–26.
URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>
26. *Favero L.P., Belfiore P.* Chapter 11: Cluster Analysis. In: *Data Science for Business and Decision Making*, 2019, pp. 311–382.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>
27. *Буньковский Д.В.* Риски взаимодействия предприятий нефтяной промышленности с лицами во внешней среде // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021. Т. 17. Вып. 2. С. 296–315.
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.2.296>
28. *Дроговоз П.А., Харин Н.И.* Экономический эффект от внедрения технологий цифрового производства в нефтегазовой отрасли // *Финансы и кредит*. 2021. Т. 27. Вып. 3. С. 672–692. URL: <https://doi.org/10.24891/fc.27.3.672>
29. *Кузнецова Н.В., Кочева Е.В., Матев Н.А.* Определение и оценка уровня социально-экономических рисков для ответа России на «большие вызовы» // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021. Т. 17. Вып. 3. С. 443–469. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.3.443>
30. *Золотарев Е.В.* О возможных негативных аспектах приватизации российских банков // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2021. Т. 17. Вып. 1. С. 26–38. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.1.26>
31. *Мальсагова Р.Г., Лисковецкая Т.П., Ленков И.Н.* Изменение курса рубля в условиях экономического кризиса: последствия и эффективность предпринятых мер // *Финансы и кредит*. 2021. Т. 27. Вып. 1. С. 113–128.
URL: <https://doi.org/10.24891/fc.27.1.113>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

A RUSSIAN APPROACH TO ENSURING ECONOMIC GROWTH

Valerii V. SMIRNOV

I.N. Ulianov Chuvash State University (ChuvSU),
Cheboksary, Chuvash Republic, Russian Federation
v2v3s4@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6198-3157>

Article history:

Article No. 186/2021
Received 5 April 2021
Received in revised form
26 April 2021
Accepted 10 May 2021
Available online
29 July 2021

JEL classification: D40,
H10, H19, H54, L10

Keywords: foreign
exchange reserves,
government consumption,
inflation, potential,
monetary exchange rate

Abstract

Subject. The article investigates a Russian approach to ensuring economic growth.

Objectives. The aim is to identify the basis of the Russian approach to ensuring economic growth.

Methods. The study rests on the systems approach, using the methods of statistical, neural network, and cluster analysis.

Results. The paper defines the structural importance of exports of goods and services, and changes in inventories. It highlights significant links with public consumption expenditures. The Russian approach to ensuring economic growth comes down to devaluation of the national currency⁶ resulting from the loss of the real inflationary potential of economic growth to maintain the volume of exports of goods and services in the context of maintaining public consumption expenditures. The increase in M2 forces the Central Bank of the Russian Federation to increase its foreign exchange reserves. This has a restraining effect on the growth of Russian Ruble's monetary exchange rate. This phenomenon causes a drop in the Russian federal loan bond (OFZ) index and a replacement of strategic priorities with tactical ones.

Conclusions. The basis of the Russian approach to ensuring economic growth is a reflection of the limits of the Russian economy development and the effectiveness of the Government of the Russian Federation.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2021

Please cite this article as: Smirnov V.V. A Russian Approach to Ensuring Economic Growth. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2021, vol. 20, iss. 7, pp. 1234–1255.
<https://doi.org/10.24891/ea.20.7.1234>

References

1. Aganbegyan A.G. [How to overcome stagnation and new crisis, providing socio-economic growth]. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*, 2020, vol. 22, no. 6, pp. 6–19. URL: <http://www.inesnet.ru/article/kak-preodolet-stagnaciyu-i-novyyj-krizis-obespechiv-socialno-ekonomicheskij-rost/> (In Russ.)
2. Glaz'ev S.Yu. [Problems and Prospects of the Russian Financial Market in the Context of Structural Changes in the World Economy]. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2020, vol. 24, no. 3, pp. 6–29.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-rossiyskogo-finansovogo-rynka-v-usloviyah-strukturnyh-izmeneniy-mirovoy-ekonomiki> (In Russ.)

3. Glaz'ev S.Yu. [On forming the ideology of transition to a new world economic order in Russia and the EAEU]. *Ekonomicheskie strategii = Economic Strategies*, 2020, vol. 22, no. 7, pp. 46–61. URL: <http://www.inesnet.ru/article/o-formirovanii-ideologii-perexoda-k-novomu-miroxozhajstvennomu-ukladu-v-rossii-i-eaes/> (In Russ.)
4. Minakir P.A. [Russian Economy: Between Crisis]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 7–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-ekonomika-mezhdu-krizisami> (In Russ.)
5. Shigeki Ono. Financial development and economic growth nexus in Russia. *Russian Journal of Economics*, 2017, vol. 3, iss. 3, pp. 321–332. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.09.006>
6. Schumpeter J., Backhaus U. The Theory of Economic Development. In: Backhaus J. (eds) Joseph Alois Schumpeter. The European Heritage in Economics and the Social Sciences, vol. 1. Springer, Boston, MA, 2003, pp. 61–116. URL: https://doi.org/10.1007/0-306-48082-4_3
7. Robinson J. The Generalisation of the General Theory. In: The Generalisation of the General Theory and other Essays. Palgrave Macmillan, London, 1979. URL: https://doi.org/10.1007/978-1-349-16188-1_1
8. Şiir Kılış. Sustainability-oriented innovation system analyses of Brazil, Russia, India, China, South Africa, Turkey and Singapore. *Journal of Cleaner Production*, 2016, vol. 130, pp. 235–247. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.03.138>
9. Jingfeng Zhao, Jianmin Tang. Industrial structure change and economic growth: A China-Russia comparison. *China Economic Review*, 2018, vol. 47, pp. 219–233. URL: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2017.08.008>
10. Peijie Wang, Fan Li. Science, technology and innovation policy in Russia and China – Mapping and comparisons in objectives, instruments and implementation. *Technological Forecasting and Social Change*, 2021, vol. 162, no. 120386. URL: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120386>
11. Vatansever A. Put over a barrel? “Smart” sanctions, petroleum and statecraft in Russia. *Energy Research & Social Science*, 2020, vol. 69, no. 101607. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101607>
12. Bayramov V., Rustamli N., Abbas G. Collateral damage: The Western sanctions on Russia and the evaluation of implications for Russia’s post-communist neighbourhood. *International Economics*, 2020, vol. 162, pp. 92–109. URL: <https://doi.org/10.1016/j.inteco.2020.01.002>
13. Mikulska A. Gazprom and Russian Natural Gas Policy in the First Two Decades of the 21st Century. *Orbis*, 2020, vol. 64, iss. 3, pp. 403–420. URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2020.05.004>

14. Sauvageot E.P. Between Russia as producer and Ukraine as a transit country: EU dilemma of interdependence and energy security. *Energy Policy*, 2020, vol. 145, no. 111699. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111699>
15. Miller C. Will Russia's Pivot to Asia Last? *Orbis*, 2020, vol. 64, iss. 1, pp. 43–57. URL: <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2019.12.004>
16. Dawei Liu, Hang Xu. A rational policy decision or political deal? A multiple streams' examination of the Russia–China natural gas pipeline. *Energy Policy*, 2021, vol. 148, part B, no. 111973. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111973>
17. Ndlovu V., Inglesi-Lotz R. The causal relationship between energy and economic growth through research and development (R&D): The case of BRICS and lessons for South Africa. *Energy*, 2020, vol. 199, no. 117428. URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2020.117428>
18. Ozturk I. Sustainability in the food-energy-water nexus: Evidence from BRICS (Brazil, the Russian Federation, India, China, and South Africa) countries. *Energy*, 2015, vol. 93, part 1, pp. 999–1010. URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.09.104>
19. Qiang Wang, Rui Jiang. Is carbon emission growth decoupled from economic growth in emerging countries? New insights from labor and investment effects. *Journal of Cleaner Production*, 2020, vol. 248, no. 119188. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.119188>
20. Yanxin Liu, Huajiao Li, Haizhong An et al. Are the environmental impacts, resource flows and economic benefits proportional? Analysis of key global trade routes based on the steel life cycle. *Ecological Indicators*, 2021, vol. 122, no. 107306. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ecolind.2020.107306>
21. King A.P., Eckersley R.J. Chapter 1: Descriptive Statistics I: Univariate Statistics. *Statistics for Biomedical Engineers and Scientists*, 2019. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102939-8.00010-4>
22. Brownstein N.C., Adolfsson A., Ackerman M. Descriptive statistics and visualization of data from the R datasets package with implications for clusterability. *Data in Brief*, 2019, vol. 25, no. 104004. URL: <https://doi.org/10.1016/j.dib.2019.104004>
23. Fávero L.P., Belfiore P. Chapter 3: Univariate Descriptive Statistics. *Data Science for Business and Decision Making*, 2019, pp. 21–91. URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00003-3>
24. Urlacher B.R. Complexity, Causality, and Control in Statistical Modeling. *American Behavioral Scientist (ABS)*, 2020, vol. 64, iss. 1, pp. 55–73. URL: <https://doi.org/10.1177/0002764219859641>
25. Adolfsson A., Ackerman M., Brownstein N.C. To cluster, or not to cluster: An analysis of clusterability methods. *Pattern Recognition*, 2019, vol. 88, pp. 13–26. URL: <https://doi.org/10.1016/j.patcog.2018.10.026>

26. Favero L.P., Belfiore P. Chapter 11: Cluster Analysis. *Data Science for Business and Decision Making*, 2019, pp. 311–382.
URL: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-811216-8.00011-2>
27. Bun'kovskii D.V. [Risks of the interaction between enterprises of the oil industry and parties in the external environment]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 2, pp. 296–315.
(In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.2.296>
28. Drogovoz P.A., Kharin N.I. [The economic benefits of digitalization in the oil and gas industry]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2021, vol. 27, iss. 3, pp. 672–692.
(In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/fc.27.3.672>
29. Kuznetsova N.V., Kocheva E.V., Matev N.A. [Determining and evaluating the level of socio-economic risks for Russia to respond to 'Grand Challenges']. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 3, pp. 443–469. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.3.443>
30. Zolotarev E.V. [To possible negative aspects of privatization of the Russian banks]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*, 2021, vol. 17, iss. 1, pp. 26–38. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.24891/ni.17.1.26>
31. Mal'sagova R.G., Liskovetskaya T.P., Lenkov I.N. [Changes in the ruble exchange rate during the economic crisis: Consequences and effectiveness of the efforts undertaken]. *Finansy i kredit = Finance and Credit*, 2021, vol. 27, iss. 1, pp. 113–128.
(In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24891/fc.27.1.113>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.